

В САМОЙ

ДЭЙЗИ ДЖОНСОН

ШОРТ-ЛИСТ БУКЕРА-2018

ГЛУБИНЕ

Дэйзи Джонсон

В самой глубине

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Джонсон Д.

В самой глубине / Д. Джонсон — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-101249-6

Для Гретель слова всегда были настолько важны, что в детстве она вместе с матерью даже изобрела язык, который стал их собственным. Теперь Гретель работает лексикографом, обновляя словарные статьи. Она не видела мать с 16 лет, когда они жили в лодке на оксфордском канале. Воспоминания о прошлом, давно стершиеся, после одного телефонного звонка внезапно возвращаются: последняя зима на воде, загадочный сбежавший мальчик, странное неуловимое существо, живущее на реке. «В самой глубине» – вызывающий дебютный роман с сюрреалистической, жуткой атмосферой. Он не оставит вас равнодушным.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-101249-6

© Джонсон Д., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Один	6
Два	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дэйзи Джонсон В самой глубине

Моим бабушкам, Кристине и Сидар

**Daisy Johnson
Everything Under**

* * *

This edition is published by arrangement with Aitken Alexander Associates Ltd. and The Van Lear Agency LLC

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright: © Daisy Johnson, 2018

© Д. Шепелев, перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Один За черным пнем

Родные места возвращаются к нам. Они приходят в виде мигрени, боли в животе, бессонницы. Из-за них мы иногда падаем во сне и просыпаемся, шаря в поисках выключателя прикроватной лампы, чувствуя, что все достигнутое нами пошло прахом. Мы становимся чужаками в родных местах. Они уже не признают нас, но мы всегда признаем их. Они наш остов; мы пронизаны ими. Если бы нас вывернули наизнанку, на нашей коже открылась бы дорожная карта. Чтобы мы могли вернуться. Только у меня под кожей обозначены не каналы, не рельсы и не лодка, а всегда одна лишь *ты*.

Коттедж

Мне трудно решить, даже теперь, с чего начать. Твоя память не линейна, а подобна массе перепутанных кругов, то уводящих вглубь, то отступающих. Временами я близка к насилию. Если бы ты была той женщиной, которую я знала шестнадцать лет назад, думаю, я бы так и сделала – выбила из тебя всю правду. Но теперь это невозможно. Ты слишком стара, чтобы можно было выбить из тебя хоть что-то. Воспоминания сверкают, как разбитые бокалы в темноте, – и вот их уже нет.

Твое слабоумие прогрессирует. Ты ищешь туфли, в которые обута. Ты смотришь на меня по пять-шесть раз на дню и спрашиваешь, кто я такая, или говоришь мне убираться: вон, вон. Ты хочешь знать, как оказалась здесь, в моем доме. Я говорю тебе снова и снова. Ты забываешь свое имя или где ванная. Чистое белье оказывается в кухонном буфете, вместе со столовыми приборами. Когда я открываю холодильник, там лежит мой ноутбук или телефон, или пульт от телевизора. Ты на крик зовешь меня среди ночи, а когда я прибегаю, ты спрашиваешь, зачем я пришла. Ты говоришь, что я не Гретель. *Моя дочь, Гретель, была прекрасной дикаркой. Ты не она.*

Иногда по утрам ты точно знаешь, кто мы такие. Ты выкладываешь на столешницу столько кухонной утвари, сколько уместится, и готовишь мировые завтраки – по четыре чесночинки во все подряд и как можно больше сыра. Ты раздаешь мне указания на моей же кухне, говоришь, что надо прибраться или вымыть окна, бога ради. В такие дни твой распад не так очевиден. Ты забываешь противень в духовке, и оладьи подгорают, вода выливается из раковины на пол, а слова застревают в горле, так что ты отчаянно пытаешься выкашлять их. Я набираю ванну для тебя, и мы идем вверх, взявшись за руки. Это редкие моменты мира между нами, почти невыносимые.

Если бы я на самом деле заботилась о тебе, я бы определила тебя в приют ради твоего же блага. Занавески в цветочек, регулярное питание каждый день, компания тебе подобных. Старики – существа своеобразные. Если бы я все еще действительно любила тебя, я бы оставила тебя где ты была, а не привозила сюда, где дни пролетают так быстро, что о них едва ли стоит говорить, и где мы бесконечно раскапываем и ворошим то, чему лучше оставаться похороненным.

Случается, что в нашем разговоре проскальзывают прежние словечки, перед которыми мы беззащитны. Как будто совершенно ничего не изменилось, как будто время – ерунда. Мы вернулись в прошлое, и мне снова тринадцать лет, а ты моя ужасная, сказочная, кошмарная мать. Мы с тобой живем на лодке, на реке, и у нас есть такие слова, каких нет ни у кого. У нас свой собственный язык. Ты говоришь мне, что можешь слышать, как уекивает вода; я говорю тебе, что поблизости нет никакой реки, но я тоже, бывает, слышу это. Ты говоришь, что хочешь,

чтобы я оставила тебя одну, что тебе нужно кое-что обхекать. Я говорю, что ты гарпилябия, и ты злишься или начинаешь хохотать до слез.

Однажды ночью я просыпаюсь от твоего крика – ты все кричишь и кричишь. Я несусь по коридору, распахиваю дверь, включаю свет. Ты сидишь на узкой кровати, подтянув пододеяльник к подбородку, с открытым ртом, и рыдаешь.

Что такое? Что не так?

Ты смотришь на меня. Бонак пришел, говоришь ты. И на секунду – потому что ночь, и я заспанная – я чувствую, как во мне поднимается одуряющая волна паники. Я стряхиваю ее. Открываю гардероб и показываю тебе, что внутри никого; помогаю тебе выбраться из постели, чтобы мы вместе опустились на четвереньки и проверили под кроватью, потом мы встаем у окна и впериваемся в черноту.

Там ничего нет. Тебе нужно поспать.

Он здесь, говоришь ты. Бонак здесь.

Большую часть времени ты сидишь как истукан в кресле, повернувшись в мою сторону. У тебя запущенная экзема на руках, какой никогда раньше не было, и ты остервенело грызешь руки. Я пытаюсь устроить тебя поудобнее, но – теперь я вспоминаю об этом – удобство тебя раздражает. Ты отказываешься от чая, когда я приношу его тебе, не ешь, почти не пьешь. Ты отмахиваешься от меня, когда я приближаюсь с подушками. Оставь, не суетись, уймись. И я унимаюсь. Я сажусь за деревянный столик напротив твоего кресла и слушаю твои рассказы. Твоя агрессивная жизнестойкость заставляет меня сидеть и слушать тебя ночи напролет, почти без перерывов. Иногда ты говоришь, что тебе нужно в ванную, и встаешь с кресла, точно плакальщица с могилы, отряхивая невидимую пыль с брюк, одолженных у меня. Ты говоришь, я иду, и подходишь к лестнице с решительным видом, грозно сверкнув на меня глазами, давая понять, что я не могу продолжать без тебя, это не моя история, так что я должна набраться терпения и ждать, пока ты вернешься. На середине лестницы ты говоришь, что человек должен быть хозяином своих ошибок, жить с ними. Я открываю один из купленных блокнотов и записываю все, что могу вспомнить. Твои слова на бумаге, словно обезоруженные, обретают какую-то безмятежность.

Я размышляла о следах воспоминаний, остаются ли они неизменными или же мы меняем их, переписывая память. Прочны ли они, как дома и скалы, или же скоро увядают и заменяются, перекрываются. Все, что мы помним, мы пропускаем через себя, переиначивая, ничто не остается таким, каким оно было в действительности. Это меня удручает, лишает покоя. Я никогда не узнаю, что же произошло на самом деле.

Когда ты себя чувствуешь уже достаточно хорошо, я вывожу тебя погулять по полям. Когда-то здесь паслись овцы, но теперь это просто трава, такая мелкая, что сквозь нее проглядывает мел, холмы горбатятся, вздымая ребра земли, мелкий ручей, изрыгаемый из грязи, змеится вниз по склону. Каждые пару дней я объявляю, что движение – залог здоровья, и мы маршируем на холм, потев и отдуваясь на вершине, а затем спускаемся к ручью. И только тогда ты перестаешь жаловаться. Ты присаживаешься у ручья и опускаешь руки в холодный поток, пока не касаешься каменистого дна. Люди, как-то раз сказала ты мне, выросшие у воды, отличаются от остальных.

Что ты хочешь этим сказать? – спрашиваю я. Но ты не отвечаешь или просто забываешь для начала что вообще говорила что-либо. Однако эта мысль не оставляет меня всю тихую ночь. О том, что нас определяет окружающий ландшафт, что наши жизни формируются холмами, и реками, и деревьями.

Ты в дурном настроении. Ты хандришь до темноты, а затем начинаешь бродить по дому, ища, что бы выпить покрепче воды. Где это? – кричишь ты. Где это? Я не говорю тебе, что опустошила буфеты, когда впервые нашла тебя у реки и привезла сюда, и что тебе придется обойтись без выпивки. Ты плюхаешься в кресло и смотришь на меня исподлобья. Я делаю тебе тост, который ты скидываешь с тарелки на пол. В одном из ящиков я нахожу стопку карт, и ты смотришь на меня как на безумную.

Я не знаю, говорю я. Чего ты хочешь?

Ты встаешь с кресла и показываешь на карты. Я вижу, как дрожат твои руки, от переутомления или злобы. Не всегда, черт возьми, должна быть моя очередь, говоришь ты. Я тебе достаточно рассказала. Всякого такого. Всякого дерьма про себя. Ты ударяешь по подлокотнику, вывернув руку. Теперь твоя очередь.

Отлично. Что ты хочешь знать? Я сажусь в кресло. Оно жжет твоим жаром. Ты затаилась у стены, кутаясь в непромокаемую куртку, которую привыкла носить в доме.

Расскажи, как ты нашла меня, говоришь ты.

Я откидываю голову и скрещиваю руки так крепко, что слышу, как шумит кровь. Мне словно полегчало, что ты спросила об этом.

Это твоя история – отчасти ложь, отчасти домыслы – и это история о человеке, который не был моим отцом, и о Маркусе, который был для начала Марго – опять же, если верить слухам, пересудам, – и, наконец, это история – что самое худшее – обо мне. Я предъявляю права на это начало. Вот как месяц назад я нашла тебя.

Охота

Прошло шестнадцать лет с тех пор, как я последний раз видела тебя, когда садилась в тот автобус. В начале лета выбоины на дорожке, ведущей к коттеджу, заполнены лягушачьей икрой, но была почти середина августа, и ничего такого там уже не водилось. Это место было лодкой в другой жизни. В тот месяц по стенам расползались влажные пятна; порывы шального ветра заставляли каминные выступы выплевывать птичьи гнезда, яичную скорлупу, совиные катышки. Пол в маленькой кухне был скошен, так что катышки катились к дальней стене. Ни одна дверь не закрывалась как следует. Мне было тридцать два года, и я жила там уже семь лет. В Австралии есть выражение «за черным пнем». В Америке же говорят «глухомань» или «захолустье». Эти слова означают: не хочу никого видеть. Я поняла, что эта привычка досталась мне от тебя. Я поняла, что ты всегда пыталась схорониться в такой глуши, чтобы даже я тебя не откопала. Яблоко от яблони падает недалеко. Я добиралась до Оксфорда, где работала, за полтора часа автобусом. Никто, кроме почтальона, не знал, где я жила. Я оберегала свое уединение. Я отводила ему место в своей жизни, как другие отводят место религии или политике; ни то ни другое ничего для меня не значило.

Я зарабатывала на жизнь тем, что обновляла словарные статьи. Всю неделю я работала над словом «взломать». Карточки для заметок валялись по всему столу и даже на полу. Слово было хитрым, и простые определения тут не годились. Такие мне нравились больше всех. Они точно «ушной червь», песня, которую никак не встряхнешь из головы. Часто я замечала, что вставляю их в предложения, в которых им совсем не место. *Расшифровать код. Взломать записку. Прервать.* Я продиралась через весь алфавит, и когда добиралась до конца, он был уже другим, хотя бы слегка. То же самое происходило с воспоминаниями о тебе. Когда я была моложе, я возвращалась к ним снова и снова, пытаясь выудить оттуда какие-то детали, цвета или звуки. Только всякий раз, как я обращалась к какому-то воспоминанию, оно уже было слегка другим, и я понимала, что уже не могу понять, что произошло в действительности, а что

я привнесла в него. После этого я перестала вспоминать, и наоборот, стала пытаться забыть. С этим я всегда лучше справлялась.

Каждые несколько месяцев я обзванивала больницы, морги, полицейские участки – и спрашивала, не видел ли кто тебя. Два раза за прошедшие шестнадцать лет мне почти улыбнулась удача: в компании лодочников-браконьеров оказалась женщина, подходившая под составленное мной описание; пара детишек сообщила, что видели тело в лесу, но потом признались, что соврали. Мне уже не мерещилось твое лицо в лицах других женщин на улицах, но обзванивать морги вошло в привычку. Иногда мне казалось, что я делаю это, пытаюсь убедить себя, что ты больше не вернешься.

Тем утром я была на работе. Кондиционер так морозил, что все были в джемперах и шарфах и в перчатках без пальцев. Лексикографы – причудливое племя. Хладнокровные тугодумы, разборчивые в словах. Сидя за своим столом – над грудой карточек, – я вдруг осознала, что уже почти пять месяцев не наводила справки о тебе. Самый долгий интервал. Я ушла в ванную комнату и обзвонила обычные места. Я составляла твое описание с учетом временных изменений. Белая женщина, за шестьдесят, темные волосы с проседью, рост пять футов один дюйм¹, около 70 кг, родинка на левом плече, татуировка на лодыжке.

В последнем морге, куда я позвонила, мужчина сказал, что как раз прикидывал, обратится ли кто-то за ней.

Ты всегда казалась такой могучей, нескончаемой, неподвластной смерти. Я ушла с работы пораньше. В том районе велись дорожные работы, и автобус долго петлял, прежде чем выбраться из города. Я никогда особо не походила на тебя, но в отражении грязного стекла ты проглянула сквозь уголки моего лица. Я вцепилась в поручень переднего сиденья. В тот вечер я собрала сумку, арендовала машину, перекрыла воду. Утром я выехала на опознание твоего тела.

К тому времени, как я вернулась домой, было темно. Я пошла включить свет на кухне, и меня одолел страх – тот страх, какого я не знала уже много лет – вдруг ты там стоишь. Я открыла горячую воду и держала руки под струей, пока не пошел пар. Ты была ниже меня, с широченными бедрами и такими крохотными ступнями, что иногда шутила, что в детстве тебе их стягивали, как китаянке. Ты не стригла волос, так что они были длинными и темными, жесткими у корней. То и дело ты говорила мне заплетать их. *Гретель, Гретель, у тебя быстрые пальчики*. Ты смеялась. Я не помнила этого долгое время. Какими были на ощупь твои волосы. *Можешь сделать русалкин хвост? Нет, не так, давай по новой. Еще раз.*

Я пыталась работать. *Взломать. Разделить на куски. Сделать или стать неисправным*. Утром я наконец-то снова увижу тебя, в морге. *Трепет* – это слово также годилось для описания птиц, взмывающих в небо. Стайка птиц поднялась у меня в горле и выплеснулась через дырявую челюсть. Я нарушила свое же правило. Между холодильником и стеной была засунута бутылка джина. Я вытащила ее. Налила на три пальца в стакан. Подняла за тебя. Твой голос говорил у меня в голове, дальше и дальше. Я не могла разобрать слов, но знала, что это ты; предложения составлялись в твоей манере, слова были простыми и грубыми. Я прихватила зубами край стакана. И закрыла глаза. Громко хлопнула дверь, и я почувствовала кожей лица ветер. Открыв глаза, я увидела тебя в низком дверном проеме, выходившем в сад. На тебе было то самое, старое оранжевое платье, туго стянутое в талии, из него торчали твои ноги. Ты протягивала руки, залитые грязью. Река вливалась в твое левое плечо и расширялась за тобой. Она была такой, как тогда, когда мы там жили, – плотной, почти непрозрачной. Не считая того, что на кафеле в кухне я могла видеть тени существ, нагибавшихся и нырявших, плававших. Я снова открыла горячую воду и стала держать под ней обе руки. Когда я оглянулась, ты подобралась ближе, в твоих черных космах запутались сорняки, и застарелый табачный запах пропитал

¹ 155 см. (Здесь и далее примеч. пер.)

всю кухню, от пола до потолка. Я чувствовала, как ты всматриваешься в мою жизнь. Даже в моем воображении ты была категоричной, придирчивой. Ты чистила яйцо, снимая скорлупу с гладкой белой окружности. Ты бегала за мной со шлангом до тех пор, пока земля не превращалась в грязевое месиво, и мы валились, перемазанные, точно новорожденные луковицы. Ты смотрела на меня от входа моей кухни, а за тобой бурлила река. *Что ты делаешь? – сказала ты. Это здесь ты устроилась? От всех уекала.*

Я надела ботинки, пальто и шляпу и вышла так быстро, что едва успела закрыть дверь. На улице светились вывески и фонари, и серебрилась луна. Я шагала так решительно, что через некоторое время мне пришлось остановиться, чтобы выровнять дыхание. Оглянувшись, я увидела в темноте квадрат света в окне моей кухни. Желтая нора в склоне холма. Я не помнила, оставляла ли свет.

Я всегда понимала, что прошлое не умирает просто потому, что нам так хочется. Прошлое привязано к нам: скрипы и шорохи в ночи, оговорки, рекламный жаргон, тела, привлекающие нас или отталкивающие, звуки, напоминающие нам о чем-то. Прошлое не было нитью, тянувшейся за нами, оно было якорем. Вот почему я искала тебя все эти годы, Сара. Не ради ответов и утешений; не чтобы вызвать к твоей совести или отчитывать тебя за моральное падение. А потому, что когда-то, давным-давно, ты была моей матерью и бросила меня.

Охота

Арендованная машина была красной, а больница как будто состояла по большей части из длинного коридора. Я прошла мимо кабинетов гинеколога, респираторных и частных консультаций. Пахло супом, разогретым в микроволновке, подгорелым белым хлебом, отбеливателем. Морг был тремя этажами ниже. Я топталась снаружи, не решаясь войти. На доске объявлений предлагали выгул собак, хомячков задаром, новый мотоцикл всего за сто фунтов. Кондиционер не работал, так что, когда люди поднимались со своих мест, от них оставались влажные пятна. Больничные служащие приходили и уходили, в наушниках или уткнувшись в мобильники. Я редко запоминала лица или фигуры. Я думала о словах, которые ты говорила: бухло, лучистая, слякоть. Как ты пахла? Я подношу запястье к носу. Ты была жадной и ревниво оберегала свое время и пространство. Даже прожив без тебя шестнадцать лет, даже когда я шла на опознание твоего тела, я боялась чем-то не угодить тебе. Медсестра толкала каталку через вращающиеся двери, и когда они открылись, я заметила треугольник комнаты за ними, со злым флуоресцентным светом.

Я не раз говорила со служащим этого морга по телефону за прошедшие годы. Его предложения были размечены колебаниями и вопросительными знаками в конце утверждений. У него была лысина, матово лоснившаяся. Он сказал, что моя внешность подходит моему голосу. Я не совсем поняла, что это значит. На тебя я не очень походила. Тебе была свойственна грубоватая притягательность, пугавшая всех, с кем я тебя видела. На доске были прищиплены картонные кактусы. Заметив, что я смотрю на них, он пожал плечами.

В них что-то есть, вам не кажется? Они ни в ком не нуждаются. Они хранят воду внутри.

Я не помню, как попала в эту комнату, с металлическими дверцами в стенах и с тихо звучащей песней по радио, незнакомой мне. Он распахнул одну дверцу и выдвинул койку. Тебя накрывала голубая простынь. Весь воздух куда-то пропал. Я различала формы под простыней: нос, бедро. Ступни, торчавшие с одного края, казались восковыми. На одном большом пальце висел номерок, на другом – колокольчик.

Зачем это? – спросила я.

Он провел пятерней по своей лысине. Его руки были очень чистыми, но в уголке тонко очерченного рта оставались частицы пищи. Это так, сказал он, чистая условность. До того, как

появились пульсометры, это помогало убедиться, что мертвые действительно мертвы. Пережиток прошлого.

Должно быть, поэтому говорят «один к одному», сказала я, и он посмотрел на меня так же, как и другие, когда я говорю, как словарь. Мне хотелось рассказать ему обо всех прекрасных словах, применяемых для обозначения мест хранения усопших, о которых я думала, пока вела машину: мавзолей, усыпальница, саркофаг.

Хотите на счет три? – спросил он. Раз, два, три? Некоторым помогает.

Нет.

Он сдвинул голубую простыню чуть ниже плеч. Я ощутила, как у меня сжался желудок, закололо под волосами и прошиб холодный пот. Это была ты. Только через секунду я поняла, что ошиблась. Ее волосы действительно были такого же цвета, как у тебя, и что-то в линиях глаз и рта напоминало тебя, как и форма лба. Но ее нос был не таким широким – у твоего спинка была свернута на бок еще до моего рождения – и родинка на плече была не такого цвета, как у тебя, почти болезненно лилового.

Вы уверены? Похоже, он был разочарован. Им в морге, наверное, попадалось не меньше неопознанных тел, чем в канале, распухших, всплывавших в мертвый сезон. Он приподнял простыню над ногой, показывая татуировку, но она была свежей, даже толком не зажившей после иглы, проникавшей под кожу: звезда с лучами разной длины, карта не поддающейся определению страны. Что изображалось на твоей, я никогда не могла разобрать, а ты мне не говорила. *Даже у матерей должны быть секреты.*

Да, не сомневаюсь, сказала я.

По пути из морга я остановилась залить бензин и присела на деревянную скамейку рядом со стопками газет и мешками с углем для барбекю. Все казалось неправильным: металлические дверцы машин переливались в жарком воздухе, поднимавшемся от дороги. У меня во рту был кислый, нечистый вкус. Мне казалось, что на руках и щеках у меня содрана кожа. Я была измотана, словно прожила этот момент десять раз подряд, словно мне суждено всегда оставаться здесь, на этой бензоколонке, в жарком мареве, после того как я увидела мертвое тело, оказавшееся не твоим. Это было ошибкой – обзванивать всех в поисках тебя. У каждого имеются свои заскоки и телефонные номера, которые лучше не трогать. Я достала из бардачка дорожную карту. Несколько дорожных знаков показались мне знакомыми (печатные слова всегда выручали меня), и, всмотревшись, я поняла, что нахожусь вблизи конюшни. Я думала, что до нее еще несколько часов, что надо ехать всю ночь, но она была совсем недалеко, в часе езды, если не меньше. Это взбудоражило меня. Все это время я находилась так близко к ним. Я купила плитку шоколада и сидела в машине, пытаюсь решить, что делать. Шоколад растаял даже раньше, чем я вскрыла упаковку. Казалось невозможным – голубая простыня снова закрыла лицо женщины – отправиться домой.

На круговом повороте я чуть не сбила какого-то зверька, промелькнувшего под самым бампером размазанным пятном. Я вдавила тормоз. Прикусила язык, вскрикнула. Несомненно, я его задавила. Кто бы это ни был. Я вышла из машины. Было жарко. Слишком жарко по любым меркам. Я присела на корточки и заглянула под машину. Когда я встала, то увидела, как ко мне бежит женщина в лиловом макинтоше.

Вы сбили моего песика? Правая часть ее лица была скошена вниз – вероятно вследствие инсульта – и ее дикция была нечеткой. Я хотела уехать, но она схватила меня за руку. Вы сбили моего песика?

Я не знаю, сказала я.

Ее макинтош был застегнут на молнию до самого подбородка, несмотря на жару. Мы вместе опустили на корточки и заглянули под машину, а потом стали осматривать кусты по

обеим сторонам дороги. Она не звала его по имени, а только отчаянно свистела – безрезультатно.

Ему нельзя есть что угодно, сказала она, он на строжайшей диете. Нам нужно найти его, пока он что-нибудь не съел. Он вечно убегает. Она говорила так, будто мы были давними подругами. Он даже щенком всегда удирал.

Из-за угла вывернула машина и чуть не врезалась в мою, стоявшую посреди дороги.

Я его не вижу. Может, вас куда-нибудь подбросить?

Но она ушла, продираясь через густые придорожные заросли, за которыми была канава. Я слышала, как у меня во рту толкутся слова, означающие вызывание мертвых. Я все еще ожидала найти тебя где-то, скрюченную, холодную на ощупь, с ногами, торчащими в разные стороны.

К конюшне вела под уклон крутая дорога в рытвинах, на двустворчатых воротах висли две девочки в узких джинсах, а дальше была автостоянка. Конюшня была последним местом из всех, где я жила с тобой, последним помещением, которое я разделяла с тобой. Ты помнишь, как девушки, работавшие по выходным, оставляли свои недопитые бутылки «кока-колы» вдоль стены и стояли так близко, голова к голове? И среди них были две девушки, которых мы никогда не могли различить. Многие из них говорили с мутным эссекским акцентом, всегда сбивавшим меня с толку – растянутые слова с лишними *о* и *у*.

Поначалу я просто осматривалась, держась поодаль. На арене четверо детишек учились верховой езде на толстых пони. Когда мы здесь жили, инструктором была высокая женщина с прямыми волосами и длинными накрашенными ногтями. Голос точно труба, но сама она была хрупкой, часто носила корсеты и наматывала поводья на шею. Теперь ее уже не было.

Я проскользнула с краю арены. На лестнице, поднимавшейся к комнате, в которой мы жили, было сломано несколько перекладин. Я вспомнила ту узкую дорожку между ареной и конюшней, потому что я часто сидела на верхней ступеньке и смотрела, как ты возвращаешься, переступая по ухабистой земле, ругаясь и хватаясь за стену. Должно быть, я знала, что ты уйдешь, всякий раз ожидая, что ты не вернешься домой. *Ты меня ждешь? Как мило*, говорила ты. Но твое лицо всегда выражало другое, смыкаясь над словами, точно строительные леса.

Я вернулась на стоянку. Урок был окончен, и инструктор спросила меня, пришла ли я за ребенком или хочу заниматься сама. Четырнадцать фунтов за занятие. Если для меня, то дороже. Я сказала ей, что жила здесь когда-то подростком, но ей это было безразлично, и она смотрела через мое плечо, ища повода уйти.

Мы снимали комнату там, наверху.

Она пожалала плечами. Больше они не сдают жилье.

Я сказала, что еще интересуюсь занятиями для племянницы. Можно мне осмотреть остальной загон?

Я обошла постройку сзади и вышла к полю. Чуть поодаль какая-то женщина, согнувшись, ковырялась в земле. Я прошла под электрическим шлагбаумом и приблизилась к ней. Она собирала острые камни и выбрасывала их с поля.

Помочь вам? Она обтерла руку о брюки сзади. На шее у нее был серебряный крестик, свисавший всякий раз, как она нагибалась. Она была старше, чем инструктор, рыжие волосы уже тронула седина по пробору. Я показала твою фотографию.

Я ищу эту женщину. Она жила здесь пару лет. В комнате над ареной.

Она снова вытерла руки. Взяла фото. Всмотрелась. Может быть. Она протянула мне фото, жуя губами. Я не уверена.

Может, вы еще посмотрите?

Над ареной?

В той комнате. Она вычищала стойла. И с ней жила девочка. Дочь. Ей было около тринадцати, когда они тут поселились. В школу не ходила. Много бродила по округе.

Да.

Что?

Да. Она окинула взглядом ряд уродливых строений, квадратную арену и неряшливые стойла. Я помню ее. И девочку тоже. А что вы хотите знать?

Я ее племянница. Ее очень давно никто не видел из родных. У нее отписано немного денег в завещании. Мне нужно найти ее.

Она кивнула своим квадратным подбородком, испачканным в земле, и мы направились с холма в передвижную кухню. Она поставила на плиту чайник и оперлась о стойку. А я слушала, как она рассказывает о том, что помнила о тебе и о девочке, которой была я. В раковине стояли чашки с зеленым налетом. На диване сидела девочка-подросток, листая журнал и потягивая газировку. Женщина рассказывала о чем-то, чего я не помнила, хотя я думала, что помню все о том времени. О громкой музыке, доносившейся из комнаты над ареной, как ты иногда давала уроки или вывозила вагон с лошадьми на представления. Это взбудоражило меня. Даже мои воспоминания, в которых я была уверена, оказались неверны. Я саданула о стойку.

Она налила кипяток в кружки с растворимым кофе. Сахара нет, но есть пирожные с глазурью.

Хорошо. Вы больше не видели ее? – спросила я. Постукивая кружкой по зубам вместо того, чтобы пить. После того, как она съехала. Она не возвращалась? У меня в висках стучало.

Я не знаю.

Возможно?

Я поняла, что сказала это слишком громко по тому, как она взглянула на меня. Девушка на диване отложила журнал и тоже уставилась на меня.

Люди приходят и уходят. Дайте-ка мне еще фотографию. Она взяла ее аккуратно двумя пальцами, стараясь не помять. Мелани, сказала она девушке. Разве тебе не нужно чистить стойла?

Они уже чистые, сказала Мелани.

Не говори, лишь бы сказать, если это не правда.

Она подождала, пока Мелани уйдет, и только тогда вернула мне фотографию. Была одна женщина несколько лет назад. Я не уверена. Она покачала головой.

Продолжайте, сказала я.

Я не знаю. Это могла быть она. Она бродила тут вокруг пару часов, и никто не обращал внимания. Я увидела ее в обеденный перерыв. Она вышла в поле, где мы с вами сейчас были. Я с ней заговорила и поняла, что она не в порядке.

Что вы хотите сказать?

Она наклонила голову, словно не желая говорить. Я хочу сказать, она как будто была немного не здесь. Она пропускала слова и, казалось, не очень понимала, где находится или что делает здесь. Тут неподалеку дом престарелых, и я подумала, что, может, она оттуда пришла, так что я вызвала полицию. Только когда они приехали сюда, было уже темно, и она ушла, а когда я позвонила в дом престарелых, мне сказали, что у них все на месте. Возможно, это была не она. Люди пропадают, вы же знаете. Она посмотрела на меня. Люди приходят и уходят. Возможно, она была вовсе не той, кого вы ищете.

Когда я ехала обратно от конюшни, то увидела собаку. На газоне у обочины дороги. Не какую-нибудь цацу, дворнягу, несуразную, с проплешинами. Я уже почти проехала, а когда все же остановилась, случилось замешательство, так как собака принялась ходить взад-вперед, показывая мне свои белесые десны. Но как только она забралась в машину, сразу успокоилась. Я смотрела в зеркальце, как она ровно сидит посередине сиденья, глядя на меня. Я не люблю

животных, сказала ты у меня в голове. Так громко, словно сидела рядом. *Верни эту гадость откуда взяла.*

Мне тоже не особо нравятся собаки, сказала я, и собака закрыла глаза, словно наш разговор успел утомить ее.

Я каталась туда-сюда по дороге, ища ее хозяина, но никого не видела, и в домах никто не отвечал. Мне нужно было возвращаться. Мне уже пора было быть дома, чтобы выспаться к новому рабочему дню.

Я продолжала ехать, пока не выбралась на шоссе. Собака издала горловой звук, так похожий на слово, что я чуть не нажала тормоз. Она прошлась туда-сюда по сиденью, подняла и опустила ногу. Я остановилась у первого съезда с дороги. Рядом светились вывески «Маленького шефа», «Короля бургеров», «Подземки». Собака помочилась на стоянке отеля «Приют путника». Я была такой голодной, что купила чипсы и съела их, привалившись к машине. Я вспомнила слышанную когда-то историю о том, как одной девочке попалась зажатая в порции «Съедобного счастья». История из тех, что я рассказывала тебе, когда хотела рассмешить. Я смотрела на спорившую пару на крыльце «Приюта путника», на их разевавшиеся рты и машущие руки. Я подошла к ним и спросила, сколько стоит комната. Двадцать пять фунтов, без завтрака, но есть автомат с едой в конце коридора. Я не успела подумать, что делаю, как уже оказалась в комнате. Запах бензина из окна. Коврик в желто-черных треугольниках. Чей-то волос в смыве раковины.

Оно проплыло сквозь жаркий летний воздух, проползло по коридорам, просочилось сквозь дверь в мою комнату, забралось под пуховое одеяло и положило голову на мою подушку. Я крепко зажмурилась. Я чувала запах его медлительного, как бы жвачного пищеварения. Матрас был влажным и начал расползаться. Я снова открыла глаза, наполнила узкую ванну почти до краев, закрыла дверь, оставив собаку снаружи, забралась внутрь.

Должно быть, я отключилась, потому что, когда я пришла в себя, я оказалась под водой. Надо мной были размытые плитки с магнолией и грозно нависавший рожок душа. Я попыталась сесть, но что-то давило мне на грудь. Я смотрела, вжимаясь руками в шершавое дно ванны, как воздух выходит у меня из носа и рта, и чувствовала этот вес, давивший на меня. В белой бездыханной вспышке я поняла, что это было. Это было то, о чем я обещала себе больше никогда не думать. Это было то, что жило на реке в тот последний месяц. Это слово ощущалось диссонансом у меня во рту. Я увидела белые звезды, ощутила ужасающий холод в горле.

Вес пропал. Я поднялась, глотая воздух, выплескивая воду на пол, заливая ванную комнату до закрытой двери. Я втянула столько воздуха, что легкие горели, перевалилась через край и рухнула на колени. Собака подвывала. Я приложила щеку к прохладному полу и долго так лежала.

Коттедж

К чему я всегда возвращаюсь – конечно же, это к тому, как ты меня бросила. Это потому, говоришь ты мне из кресла, что я эгоистка и прилипала. Ты говоришь мне, что я всегда была такой. Ты говоришь мне, что на реке я липла к тебе, как рыба-прилипала, и была так, что деревья валились. Ты склонна к преувеличениям. Рассказывать твою историю – это что-то вроде бурения, а не просто изложение событий. Временами ты спокойно слушаешь. Временами ты меня перебиваешь, и тогда наши два повествования схлестываются, накладываясь друг на друга.

Я мало что помню о том, что происходило на реке. Думаю, забывание – это форма самозащиты. Я знаю, что мы покинули место, к которому были пришвартованы с тех пор, как я родилась, и что Маркуса с нами не было. Я знаю, что мы отплыли в лодке вниз по течению, довольно далеко, и пришвартовались в городе, где каждый час отмечался колокольным зво-

ном. Оставались там, возможно, неделю; не дольше. Однажды, проснувшись, я увидела, как ты пакуешь рюкзак и пару пластиковых пакетов. Не думаю, что ты хоть когда-то заботилась запереть лодку. И тогда я поняла, что мы больше сюда не вернемся. Мне было тринадцать, и все, что я знала тогда, было связано для меня с этой лодкой. Все, кроме тебя.

Мы присели на первую скамейку, попавшуюся по дороге, и ты заплела мне волосы в тугую до боли косу. А затем я заплела косу тебе.

Мы словно собирались на войну. Я чувствовала гудение у тебя под кожей, в тебе циркулировало электричество, как по вышке электропередач или электростанции. Ты была невысокой – хотя теперь, когда тебе за шестьдесят, ты ссохлась еще больше, – но ты позволила мне забраться тебе на закорки и так несла меня.

Пару месяцев мы околачивались по хостелам и мини-отелям, спали на чужих диванах почти задаром. Мы нигде не задерживались надолго. Мы не могли позволить себе этого. Под конец мы забирались в автобусы и дремали, привалившись к грязным окнам, пока нас не будил водитель и не говорил нам выходить.

Мы прожили над конюшней около трех лет. Ты расхрабрилась, я думаю, от отчаяния. Мы сходили с автобуса, и ты принималась стучать в двери домов. Кто-то сказал нам, что женщина, сдававшая в аренду загон, иногда пускала жильцов в помещение над ареной, и мы нашли это место и спросили насчет комнаты. Я помню, как они смотрели на тебя. Мы обе жутко выглядели после месяца без регулярного сна и еды. Ты курила не переставая. Ты все время пила, всегда ходила с бутылкой, вытирала рот рукой так рьяно, что иногда разбивала губу. Нам разрешили остаться, чтобы мы чистили стойла. Мы проскользнули в спортзал по соседству и приняли душ. Иногда ты подрабатывала в закусочной и приносила просроченную сдобу. Лошади объедали сухую траву толстыми желтыми зубами. Ты все пила и пила и по утрам повсюду искала резинку для волос, которая уже была у тебя на голове; ты щелкала пальцами, пытаясь вспомнить имена лошадей, или детей, или дни недели. Иногда я прятала флягу, и тогда мы ругались. Как ты посмела, говорила ты, как ты посмела. Я выпивала все, что там было, чтобы отвратить тебя от этого, но ты только заново наполняла флягу, длинной бурлящей струей, разбрызгивая содержимое. Ты поседела за ночь. Нас спросили, скоро ли мы думаем съезжать, но ты сказала, что не знаешь. Я тогда не стыдилась тебя. Думаю, я еще была во власти твоих чар. Ты была словно проповедницей или вождем секты. Твоя мощная энергетика обволакивала людей, твои руки вечно двигались, пока ты говорила.

В наш последний вечер ты сказала, что мы выходим в свет. Я никогда до этого не была в ресторане. Ты заказала вина, налила мне немного, и себе побольше. У тебя опухла кожа вокруг глаз, и морщинки расползлись по всему лицу, по шее и рукам. Я не знаю, где ты нашла платье, которое на тебе было.

Когда ты сказала «с днем рождения», я посмотрела на тебя, пытаясь понять, не шутишь ли ты, а ты смотрела мне в глаза поверх стакана.

Это не мой день рождения.

Ты повела плечами, не пожала, а как-то вяло пошевелила. Это не важно. Всегда чей-нибудь день рождения, разве нет? Мне с тобой нужно поговорить кое о чем.

Мне едва исполнилось шестнадцать. Мы часто спорили, пару раз я била тебя или ты меня. Мы были кремнем и наковальней. Пожалуй, поэтому ты и ушла. Я не думаю, что ты когда-либо верила в то, что семья была достаточной причиной, чтобы люди держались вместе. Я не знала, что будет дальше, хотя, пожалуй, должна была бы. Ты намекала на это уже несколько недель, рассуждая со смехом о мужчинах и их агрегатах.

Ты должна быть осторожной, сказала ты. Ты не хочешь наделать ошибок, о которых потом будешь жалеть. Понимаешь меня?

Я кивнула, хотя не думаю, что понимала тебя. Я тогда ничего не знала о сексе, не считая того, что ты иногда приводила с собой всяких доходяг, не считая звуков, которые они издавали, и твоего молчания.

Ты достала из сумочки презерватив и показала мне. Ты взяла упаковку в зубы и надорвала. Ты искала что-нибудь для примера и не нашла ничего подходящего, кроме ножа, которым ела. Нож оказался плохим примером. Я видела, как пара официанток у кассы пялилась на нас. Женщина за соседним столиком открыто уставилась на нас, не донеся вилку до рта. Тебя, казалось, совершенно не заботили их взгляды. Нож порвал резинку.

Ты поняла идею, сказала ты, закончив урок. Ты искала, куда бы деть презерватив, и засунула его под тарелку.

После того как мы вышли из ресторана, ты повела меня в бар с квадратным танцполом, зеркалами на всех стенах и без замка на двери в ванную комнату. Ты сказала человеку за стойкой, что я никогда не пила коктейлей, и заказала нам ассортимент. Я ничего не пила, потому что боялась, что мы не сумеем найти дорогу назад. Я стояла за высоким шатким столиком. С липкой столешницей. Ты танцевала, вопя, что я скромница, вихляла бедрами, вскидывала руки вверх и раскрывала ладони, словно разбрасывая что-то. Когда ты сошла с танцпола, ты была мокрой и улыбалась.

Платье такое тесное, сказала ты. Я помогла тебе расстегнуть его на шее. Ты вздохнула и потеряла руки. Мне нужно рассказать тебе о Маркусе.

Я стала крутить головой и прокричала, что не хочу об этом слушать. Что бы ты ни хотела сказать, я не хотела этого знать.

Ты уверена? Ты вдруг показалась мне трезвой, когда накрыла своими грубыми руками мои на столе и похлопала меня пальцами по щеке. Сейчас я задаюсь вопросом, осталась бы ты, если бы я позволила тебе рассказать, что ты хотела. Я не знаю.

Я думаю, сказала ты, словно меня там не было, что мне бы следовало знать с самого начала. Ты говорила о том, что видела в воде, о телах в реке и металлических капканах. Ты рассказывала о Бонаке. Мы сделали его, говорила ты снова и снова, разве ты не понимаешь, это мы сделали его таким. Я прижимала ладони к ушам до тех пор, пока твой голос не растворился в шуме музыки.

В автобус я вошла первой. Обернувшись, я увидела, что ты стоишь на тротуаре, а когда водитель спросил тебя, едешь ли ты, ты сказала нет. Сквозь закрывавшиеся двери того автобуса: твой закинутый лоб, пудра на твоём лице, плотная точно известка, помада на губах почти вся стерлась. Твое лицо утончалось между дверьми, как луна, и наконец, пропало.

Какое-то время после этого я ошивалась в конюшне, и, думаю, меня не прогоняли, потому что поняли, что ты свалила, а мне было некуда податься. В итоге одна из матерей – с тщательно ухоженным озабоченным лицом – доложила обо мне. Я пробыла какое-то время в «системе» – так называли это другие девочки, жившие там со мной – прошла через несколько домов, несколько приемных семей, с однообразными лицами. Я мало что помню. Они спрашивали меня о тебе. И не раз. Спрашивали, есть ли у меня другие родственники, хоть кто-нибудь, кто мог бы присмотреть за мной, пока мне не исполнится восемнадцать. Я говорила нет. Они спрашивали, не знаю ли я, где ты. Я говорила, что ты умерла.

Я была в последнем из приемных домов до тех пор, пока не выросла настолько, чтобы уйти. Школа, в которую меня определили, была суровой – тысяча учащихся, если не больше, строительные леса на месте бывшего спортзала, грязевое месиво вместо поля. Многие дети жили в передвижных фургонах вдоль железной дороги. Мне там не нравилось, и я старалась улизнуть при каждой возможности. Один раз мне удалось добраться до реки, прежде чем меня поймали. Я не помню, что я думала делать, когда доберусь до того места на реке, у сосновой

рощи, где я жила с тобой. Вряд ли у меня был план. Наверно, это просто мышечная память направляла меня обратно туда.

Мой язык – наш с тобой язык – сыграл со мной злую шутку в школе. Я сказала учительнице, что мне нужно кое-что обхекать, обозвала одного мальчишку гарпилябией. За все эти годы ты ни разу не сказала мне, что придумывала свой язык, применимый только к нашей ситуации, к нам с тобой. Ты меня никогда не предупреждала. Довольно скоро другие ученики стали замечать, что я использую слова, неизвестные им. Они передразнивали меня, коверкая эти слова, выкрикивая их в коридоре или в классе. Они стали называть меня иностранкой или доводчицей – типа, она не хочет говорить по-английски, английский для нее недостаточно хорош, так что она его доводит до ума.

Я избавлялась от тех слов, которым ты научила меня, стирала их из памяти. За годы я настолько позабыла их, что теперь, когда я оглядываюсь на то время, они кажутся мне такими же чуждыми, какими должны были казаться другим детям.

Ты словно дикарка, сказала мне одна девочка в школе. Ее звали Фрэн. Ты словно из тех детей, которых держали в подвалах. Которые были прикованы к своим горшкам в подвалах, даже не обученные говорить.

Я выкрала у Фрэн тени для век и ожерелья, которые она держала в своем тайнике, и закопала. Я дралась с большими мальчишками до крови – их или моей. Я думаю, что тогда я еще помнила большую часть из жизни на реке, я была наспигована этими воспоминаниями изнутри и снаружи, словно мои руки были усеяны мигающими глазами.

Это были годы, когда я пыталась найти тебя. По выходным я садилась в автобус и объезжала все места, в которых, как я думала, ты могла быть. Разыскивала тебя по всей округе. У меня была фотография – она и сейчас у меня, – и я показывала ее всем, кого встречала. Я говорила: она низкого роста, ниже нас; у нее седые волосы и серые глаза. Ты мне мерещилась повсюду. В окнах проезжавших автобусов, в очередях супермаркетов, за столиками кафе и пабов, в машинах на светофорах. Я видела, как ты идешь или бежишь, сидишь, говоришь, смеешься, выпятив голову. Я преследовала женщин по улицам, но никто из них не был тобой. Ты пропала без следа. Ты была призраком в моем мозгу, в моем нутре. Я начала сомневаться, а существовала ли ты вообще в действительности.

Рядом со мной крутилась пара девчонок, и, я думаю, они видели во мне полоумную, плывшую не в ту сторону, и им было любопытно, что со мной будет дальше. Роза нравилось сидеть рядом со мной на математике, и она то и дело говорила мне всякие вещи: как она проколола себе ухо; как ее сестра чуть не подожгла стол для пинг-понга, где она проводила каникулы. Ей нравилось говорить об учителе математики, который был привлекателен только тем, что был моложе остальных. Она говорила, что он застенчивый, и перечисляла все, чем бы хотела с ним заняться после школы. Оглядываясь на то время, я думаю, что, может быть, ей нравилось сидеть рядом со мной потому, что рассказывать все это мне было совсем не тем же самым, что рассказывать это кому-то еще. Это было все равно как учить кого-то говорить или читать. Я никогда раньше не слышала таких слов. Я не знала языка, на котором она говорила. Даже сейчас эти слова кажутся мне лишь частично переводимыми на мой язык: трахаться, чпокаться, сношаться, обжиматься, миловаться.

Нас повезли на экскурсию в Озерный край². Там были двухъярусные кровати, скалолазная стенка и бассейн, в котором мы учились опрокидывать каяки и где у меня начались панические атаки – вода в носу, тени ног, марширующих ко мне, словно я снова тонула в реке. А

² Горный регион на северо-западе Англии, в графстве Камбрия. Знаменит своими живописными гористыми и озерными ландшафтами.

еще мы учились целоваться. Там была Роза и еще одна девушка, которую я мало знала. Мы занимались этим перед обедом на двухъярусных кроватях или снаружи, за бассейном. Их рты на вкус напоминали огурец. Мы строго судили друг друга: слишком много языка, не крути им так. Они уже целовались с мальчишками, но мне это было в новинку. Я все время думала об этом. Хотя понимала, что поцелуи – это даже не финальный акт. Это был переход, ведущий к чему-то еще. Я думала о тебе в ресторане в тот раз, когда ты показала мне презерватив. Я столько думала об этом, что иногда словно слепла и глохла, никого не видя и не слыша.

Потом во время поцелуев мне стал являться Маркус, возникая из груди моих партнерш, словно он все время был там. От этого меня охватывало лихорадочное чувство, близкое к истерике. Рты девушек были холодными, но Маркус, возникавший из них, жегся, словно клеймо. Иногда их руки на моих ногах настолько напоминали его, что на меня накатывала паника. Если я не открывала глаз, кто угодно мог быть им. Я хотела спросить тебя, видела ли ты что-то подобное, целуясь с другими людьми?

Спустя какое-то время я была уже сама не своя от этого. Он поджидал меня, скрючившись там, с закрытыми глазами, еле живой. Я ощущала его дыхание за дыханием девушек, чувствовала, как его неумный язык мечется у меня по небу. В нем было что-то болезненное, мох облеплял его легкие и желудок, пронизывал его вены. От этого веяло чем-то речным. Я это понимала. Когда я думала об этом, мне виделось шевеление за стеклом, прерывистые разноцветные блики. Я не знала, что это, я только знала, что больше не хочу этого видеть. Мне была невыносима мысль о том, как он выпирает из других ртов, просовывает пальцы сквозь костяшки чужих рук, извивается из их глоток. Я не могла выносить все это и так же не могла перестать думать об этом. Я не могла перестать думать о том, каково это будет – заняться сексом с мальчиком и вдруг увидеть Маркуса, глядящего на меня из его лица. Когда я сказала девушкам, что больше не хочу целоваться с ними, они только пожали плечами. Мы не лесбиянки, сказали они.

Коттедж

После того как я нашла тебя у реки и привела обратно в дом, мне стал сниться один сон. Я в подвале словарного отдела, где я работаю. Окон там нет, а единственный источник света – это широкие округлые лампы, свисающие на проводах ниже обычного с грязного навесного потолка. Стоят ряды металлических картотечных шкафов. Десять из них, если не больше, заняты словами, произносимыми задом наперед, еще десять – словами, вышедшими из употребления. На стенах старые отпечатки рук, на полу древние отпечатки ног, за дверью в маленькую ванную комнату горит свет, хотя на мой стук никто не отвечает. Из интереса я выдвигаю ящик на букву «Б», перебираю желтые карточки со словами, но нужного мне там нет. *Бонак*. Конечно, его нет; это ведь не настоящее слово. Его просто не существует.

Я иду по коридору к лифту. Я знаю, что это во сне, потому что в реальности его переоборудовали задолго до того, как я начала там работать, но здесь он старый, с решетчатой дверью, которую я отвожу в сторону, и красными вельветовыми стенами. Он медленно движется между этажами, позвякивая. Мы останавливаемся на офисном этаже. На столах нет телефонов, только в углу две телефонные кабинки, и трубка одного из телефонов покачивается на крючке. Я беру трубку, рассчитывая услышать твой голос, но там тишина, не слышно даже помех.

Кофейная машина на кухне теплая на ощупь; холодильник, который я открываю, заставлен аккуратно подписанными пластиковыми коробками. АРУНДАТИ, НЕ СЪЕДОБНО. НАТ 13/4/2017. БЕНДЖИ. На стенах коридора плакаты, призывающие к тишине. Я иду в наш рабочий муравейник. Компьютеры в большинстве кабинок включены, на столах аккуратно разложены карточки с выписками, коробки для входящих и исходящих сообщений заполнены. Я иду к своему столу, но, подойдя, вижу на нем чужие вещи. Красное яблоко с аккуратными следами

зубов, блюдо с зеленоватыми маринованными яйцами, энциклопедия с загнутыми страницами. Когда я сажусь на стул, мне неудобно, он подкручен для человека ниже меня. Я смотрю в компьютер, пытаюсь понять, кто занял мое место. В электронной почте есть письма, но они подписаны только одной буквой – С. Откуда-то слышится шум. Я встаю и смотрю поверх кабинок. Автоподсветка в другом конце помещения включается и – как только я смотрю туда – снова гаснет. Я сажусь обратно и начинаю читать разложенные определения. Некоторые слова так перечеркнуты, что мне видно только отдельные буквы. *Звук реки ночью. Момент одиночества.* Ближе к низу стопки одно слово написано ясно. *Бонак: то, чего мы боимся.* Даже один вид этого слова во сне выворачивает мне нутро. Я накрываю его рукой.

Слышится звук падения какой-то вещи на ковролин. Я встаю и выхожу в главный коридор – между кабинками и стеной. Ковролин впереди смят, как будто кто-то задел его ногой. Я разглаживаю его. Навесной потолок над головой начинает греметь, панели смещаются, открывая переплетение труб и проводов. Я вижу быстрое движение. Панель впереди срывается с потолка и разбивается об пол. Другие тоже выпадают, разбиваясь или отскакивая от столов. А затем начинает течь вода – не чистая, фильтрованная офисная вода, а помойная, с сорняками и рванными сетями, из которых сыплется рыба на ковролин. С потолка льется вода. У меня над головой что-то быстро елозит, так что оконные стекла звенят. Я слышу, как что-то падает позади меня на пол. Я не оборачиваюсь, но слышу, как оно движется по полу. Я знаю, что ты такое, думаю я. Только, когда я просыпаюсь, я опять забываю это.

Наутро после первого такого сна я вижу тебя за столом в моей пижаме и тапочках, жующей апельсины и вареные яйца, складывая скорлупу аккуратными кучками. Ты причесала волосы, и они облепляют твою голову, словно шапочка для бассейна. Ты сплевываешь косточку в ладонь, говоришь мне, что я кричала во сне, и спрашиваешь, всегда ли я так делаю. Потому что в таком случае не лучше ли мне перебраться в отель, чтобы ты могла спокойно спать.

Между нами десятилетия дурных чувств, трясина недопонимания, пропущенные дни рождений, все мои годы с двадцати до тридцати, за время которых тебе отрезали грудь, а меня даже не было рядом. Я думаю о том, чтобы провести рукой тебе по лицу, как ты иногда делала мне, когда мы жили над конюшней. Не сильно, но с чувством.

Ты очищаешь мне яйцо. И говоришь, что вспомнила кое-что.

Ты приподнимаешь халат, и я вижу кривой шрам на месте твоей левой груди.

Я ем яйцо. Что ты вспомнила? Что-нибудь насчет зимы с Маркусом?

Ты нетерпеливо машешь руками, а затем водишь ими по рту. Нет, нет.

О'кей, что тогда?

Ты прищуриваешься. Ты выглядишь как натуральная бродяжка, у которой я отняла вольную жизнь, с грязными ногтями и спутанными волосами. Я сижу и жду. У тебя, похоже, так много слов, что ты толком не знаешь, что с ними делать. И я тоже. Они сыплются из тебя.

Сара

Это начинается – как я теперь понимаю – с тебя. Это история – хотя я ее совсем не ожидала и не просила рассказать – о тебе и о мужчине, который мог быть моим отцом.

Тебе был тридцать один год. Шел примерно 1978-й. И, пусть ты этого не знала, на Сатурн был запущен космический корабль. Он обнаружил, что эта планета настолько легкая, что, если поместить ее в огромный резервуар, она будет плавать на поверхности воды. Суточный цикл на Сатурне составляет менее десяти часов. В Оксфордском словаре английского языка впервые появились словосочетания «холодный звонок»³ и «блокировка системы»⁴. Доктор из хирургии-

³ Предложение товаров и услуг по телефону без предварительного согласования.

ческого отделения, где ты работала регистратором, заметил – флиртуя, стянув у тебя дольку апельсина, который ты взяла на перекус, – что у тебя детородные бедра. Ты приторно улыбнулась, скрыв обиду. Ты поняла это в том смысле, что он считал тебя далеко не худышкой. Ты была маленькой, едва доставала ему до плеч, но ты не была худышкой. У тебя было коренастое тело; твоя пятая точка могла уравновесить рюкзак и пару ляжек размером с торсы некоторых девушек. Это было тело, вызывавшее – как ты быстро усвоила – определенное смущение, которое ты обращала в свою пользу. В школе у тебя были спортивные ребята, потные и неряшливые; ботаники, с обожженными пальцами и челками; высокие парни и низкие, костлявые и мясистые. Твои годы с двадцати до тридцати – насколько ты понимала этот возраст – были созданы для мужчин. В основном для мужчин постарше. Мужчин, бывавших в барах, в которых бывала и ты; стоявших в ожидании такси, несших сумки с покупками или нагибавшихся завязать шнурки перед тем, как сесть в поезд, придержав для тебя двери. Таким мужчинам нравилось эспрессо, мясо по-татарски, миндальные бисквиты с белым шоколадом, им нравились иностранные фильмы с субтитрами, и они давали тебе читать книжки с заметками на полях, после того, как вы занимались сексом в их городских квартирах или лесных хижинах, или в загородных домах, коридоры которых были похожи на извилистые глотки, глотавшие и выплевывавшие тебя. Таким мужчинам нравились лифчики с тонкими бретельками, нижнее белье из черного шелка, кровати с витыми ножками, телефонные кабинки и бассейны.

К тому времени, как ты встретила Чарли, ты уже успела перебивать со множеством мужчин. У тебя вышла тягостная размолвка с профессором, который иногда заглядывал в кафе, где ты работала. Убеленный благородными сединами профессор каждый раз после вашего соития сидел на краю кровати и слезно скулил. В последнюю встречу он сказал тебе на прощание, что больше не придет, потому что ты была похожа на его дочь. Обернулся в дверях и сказал – с мокрой физиономией, – что думал, что его дочь могла быть такой же шлюхой, как ты. Так-то вот. Ты дала себе зарок вычеркнуть мужчин из своей жизни. Все их мыслимые разновидности: в костюмах и галстуках, в медицинских халатах, в красных трусах и смешных носках. А в особенности мужчин старшего возраста, считавших, будто ты была им что-то должна – частицу своей молодости, которую они растратили впустую.

Ты устроилась работать в приемной у доктора, поскольку все это казалось тебе – белые стены и потолок, побуревшие от времени ковровые дорожки, пылесос, с которым ты каждое утро и вечер обходила все помещения, и голубые бумажные простыни, покрывавшие потертые кожаные столы для обследования, – таким местом, где напрочь отсутствует похоть. Даже сам доктор – настолько в твоём вкусе, что у тебя екнуло сердце, когда он вошел уверенной походкой в первый день, – воровавший у тебя дольки апельсина и втихаря угощавший джином из своей фляги, не поколебал твоего настроения. Возможно, думала ты, тридцатые годы были порой воздержания. Как минимум до сорока. В квартире, которую ты снимала, были желтые обои в цветочек и матрас в разводах от прежних жильцов. Атрибуты жизни старой девы. Ты покупала китайские готовые обеды в магазине на первом этаже дома и ела их на скамейке через дорогу, глядя на проезжавшие мимо машины. Ты все время перекладывала с места на место канцелярские принадлежности в хирургическом отделении: красные колечки малярной ленты, скрепки, сыпавшиеся у тебя из рук, зубастый дырокол, делавший идеально круглые отверстия.

Как-то утром, одуревая от скуки, ты решила пойти на работу другим путем и, сойдя вихляющей походкой по узкой дорожке за мостом, стала неуклюже шагать на каблуках по прибрежной полосе вдоль канала. В маслянистой воде плавали утки, рядом с выдавленными видами лодками, кабины которых были увешаны цветочными горшками. На полпути вниз по течению стоял зеленый баркас, и на его корме сидел мужчина, закинув ноги на борт, с чашкой кофе,

⁴ Английское слово *gridlock* (букв. затор) может применяться в отношении электроники (блокировка системы), экономики (цепочка неплатежей), дорожного движения (транспортный коллапс) и др.

остывавшей на палубе рядом. Он что-то стругал, но ты не видела, что именно. Потом ты будешь вспоминать этот момент. Лодку, пришвартованную к слякотному, поросшему сорняком краю канала; длинные ноги долговязого незнакомца; перестук колес поезда, проходящего по мосту сверху, такой громкий, что на секунду он заглушил твои мысли об этом человеке, такие неотступные, что ты должна была бы сообразить, что это не сулит ничего хорошего. Ты не могла понять, что в нем такого. Он был слишком тощим и совсем не вызывал в тебе желания. Тем не менее. Ты поймала себя на том, что по утрам и даже вечерам стала ходить длинным путем вдоль канала. И каждый раз, проходя мимо лодки, ты шагала все медленней, пока наконец не остановилась совсем, и тогда он посмотрел на тебя.

Когда ты первый раз оказалась на его лодке, все было совсем не так, как ты представляла. Иногда он как будто переставал замечать, что ты рядом, и ты задумывалась, бывали ли здесь другие женщины, вот так же сидевшие, пока он ходил, занимаясь своими делами. Ты попросила у него чай, но он сказал, что у него есть только виски, и ты не отказалась. Ты заметила, что изучаешь его тело. У него был хозяйственный вид. Он часто подтягивал ремень брюк обеими руками, словно когда-то имел более крупные габариты. Он говорил загадками, головоломками и аллегориями. И смеялся без умолку. Он строгал, сказал он тебе, блесну. Чего? Он не стал объяснять. Чаще всего, когда ты приходила, он готовил. Ты сказала ему, что не можешь сделать даже бутер, на что он звучно втянул воздух, поставил тебя к столешнице и дал в руку нож. Он сказал, что у тебя все выходило соленым оттого, что ты все время резалась. Он правил ножи на своем ремне. Все у него было слишком острым, но ты делала вид, что все нормально. В своей комнате, когда ты трогала себя, у тебя все горело от приправы на пальцах. Он научил тебя – долгими прогулками по дорожке вдоль канала под перестук колес поездов – курить.

Ты оставалась у него все дольше и дольше. Ты все реже пользовалась водой и электричеством у себя в квартире. Из приемной доктора больше не звонили. Он не просил тебя перебраться к нему, но почти каждую ночь он вдавливал тебя в матрас своим костистым телом, и ты осталась у него. Ты слышала, как дождь стучит по крыше лодки; слышала проносившиеся мимо поезда и его мерное сердцебиение.

Днем – помешивая здоровенные котлы с едой, приготовленной им, или загорая и куря на крыше – ты часто что-то слышала. Что это было? Ты замирала настороженно или откладывала деревянную ложку. Что-то стонало внутри тебя, точно старый дом под натиском ветра или лодка, поднятая над водой сильным течением. Ничего подобного в тебе не пробуждали другие мужчины – ни их прекрасные тела, ни спокойные лица. Было что-то такое в очертаниях его тяжелых рук, в его позвоночнике, проступавшем через шершавую кожу, в лодке, качавшейся под ним. Он сказал тебе, что ему снилось, будто он ослеп, проснулся и не увидел ничего, одну сплошную черноту, снилось, как в его зрачки вонзалось острие иглы. Он любил тебя всей своей мощью, как никто другой. Или так подействовали на тебя годы воздержания? А может быть, годы чего-то еще.

Были девушки среди твоих сверстниц, которые так сильно хотели детей, что едва могли выразить это в словах – природный зуд. Ты была совсем не такой. Ты не рассматривала свое тело как какое-то средство воспроизводства, служащее кому-то, кроме тебя. Тебе были знакомы эти страхи, волнения из-за легких задержек. Только ничего такого не случалось, и у тебя все больше крепла уверенность, что тебе этого не дано; ты просто не была устроена для этого. Какие-то машины предназначались для резки, наполнения или формовки чего-то, а другие – нет. Ты просто не предназначалась для производства младенцев. Более того, чем старше ты становилась, тем тверже понимала – в тебе не было этой решимости. Ты всегда была беглянкой, чуть что шедшей на попятную. За тобой словно тянулась дорожка из хлебных крошек, по которой ты могла вернуться к себе и подтвердить – возникни у тебя такое побуждение, – что ты ни от кого не зависела.

Тем не менее. Он иногда заговаривал о детях, о которых всегда мечтал. Ты ему не возражала. А он как будто не замечал твоего молчания. Он хотел детей с тех пор, как был мальчишкой, и собирался доказать, что способен на что-то лучшее, чем его родители.

Однажды утром: его оживленное лицо, его благодарные, умные руки, ты позволила ему выбросить пачку презервативов за борт. Уверена? – он спрашивал тебя снова и снова. Ты уверена? Правда была в том – его руки под тугой тканью твоих трусов, – что ты об этом просто не думала. Он мог этого хотеть до посинения. Ничего все равно не получится. В этом ты не сомневалась. Ты просто не была устроена для этого.

Ребенок возник в тебе – хотела ты его или нет. А ты продолжала считать, что это невозможно, до тех пор, пока не стало слишком поздно что-то с этим делать. Ты росла так быстро, что тебе казалось, словно что-то хищное разрастается в тебе, захватывая твое тело. Ты уже не могла с прежней легкостью двигаться по лодке; перепрыгивать с баркаса на пристань, открывать тяжелые замки. Ты не стала говорить ему, что никогда не хотела ребенка. Ты решила родить хотя бы ради него. Обычное дело. Такое случалось сплошь и рядом, без всякого умысла. У людей заводились дети просто потому, что двое образовывали нечто цельное. Ты решила завести ребенка, потому что он образовался отчасти из его отца.

Два Ночью все теряется

Коттедж

Дом другой, когда ты здесь. Повсюду недопитые кружки и периодические набеги на холодильник среди ночи. Твой образ мыслей подмывает мой разум, так что я тоже путаюсь в днях, теряю счет неделям. Наши ссоры – как я ни пытаюсь избежать их – длятся ночи напролет, и под конец ты плачешь в ванной. Твои внезапные наваждения. Один день ты готовишь тонны карри, твои руки оранжевые от куркумы; но, закончив, ты слишком устала или тебе уже не до того, чтобы попробовать приготовленное. Другой день мы проводим у истока ручья, где ты пытаешься ловить рыбу руками, сидя часами на корточках в мелкой, еле текущей воде, хватая рыбу, которую я не вижу, если она вообще там есть. Ты также одержима мыслями о неизбежности, о предначертанности. Тебя преследует чувство рока, заставляя бродить, съездившись, по моему дому, ища убежища. Я знаю, говоришь ты, что случится. Когда же я допытываюсь у тебя, все больше злясь с каждой секундой, ты только говоришь, что нам никуда не деться, что наш конец прописан в нас с момента нашего рождения и что любые решения, которые мы принимаем, – это только миражи, пустая видимость свободной воли. И мне хочется кричать на тебя, что это ты решила оставить меня, никто тебя не заставлял, нельзя раз за разом делать что-то плохое и называть это судьбой, или предопределенностью, или богом. Но иногда я задумываюсь, а что, если ты права и все наши поступки вырастают из всех поступков, совершенных нами в прошлом. Словно наши решения вылетают из нас точно осколки взорвавшихся бомб, заложенных нашими прошлыми действиями. Я не говорю этого тебе. И пытаюсь не слушать, когда ты говоришь, просто завариваю тебе чай и сплю, когда спишь ты, словно мать с новорожденным, за которым она еще толком не умеет смотреть.

Я думала о Маркусе, а когда я спросила тебя, помнишь ли ты первую встречу с ним, ты сделала вид, что не понимаешь, о ком я говорю. Только я вижу по твоим глазам и по тому, как ты сторонись меня, что ты все понимаешь. Ко мне вернулось одно воспоминание. Я не знаю точно, что оно значит, а когда рассказываю о нем тебе, ты злишься – и вот, окно разбито. Слесарь, пришедший его чинить, косится на тебя опасно. Ты открываешь рот и громко клацаешь зубами, так что он подскакивает.

Я ела мужчин вроде тебя на завтрак, когда была в ее возрасте, говоришь ты, кивая в мою сторону.

Я едва слышу, что ты говоришь. Воспоминание накладывается на чумазый дом, твои скрюченные пальцы, новое стекло, открытый ящик слесаря с инструментами на столе.

Мне тринадцать лет, и я во власти твоих чар и разных слов, и сплетенных воедино берега и реки, и леса. Я верю, что нет ничего неизменного, что я могу менять что угодно, ловя нутрий, жаб, шустрых серых белок, мышей-полевков, долгоножек, головастиков. Зима уже подходит к концу, та самая зима, когда пришел Маркус – последняя наша зима на реке – и я лежу на животе на крыше нашей лодки, ночью. Завиток тумана перерезает деревьям колени. Лодка стоит не у берега, а на середине реки, но швартовые канаты туго натянуты, удерживая ее на месте. Я положила голову на сгиб локтя, и мое дыхание затуманивает круглое окошко в крыше. Кругом темно, только в лодке горит свет. Я помню, что ты сказала мне, что тебе нужно кое-что обхекать, и попросила меня поспать на крыше. С тобой в лодке был Маркус.

Иногда я внутри себя. Я чувствую вкус коры, которую содрала с дерева и жевала, пока она не превратилась в кашу, вижу полукружья грязи под ногтями. Я гляжу вниз, в круглое окошко.

А иногда я стою на берегу, того же возраста, что и сейчас, когда ты в моем доме – подгибаешь пальцы на ногах в слишком тесной обуви, – и выискиваю твои следы: сигаретные окурки, хлебные корки, горелые спички. С берега я едва различаю себя-подростка на крыше лодки, положившую локти по обе стороны окошка и сосредоточенно глядящую вниз.

Там, в затуманенном стекле, что-то шевелится в свете свечей. Нечто с двумя головами и множеством конечностей елозит ими во все стороны. Я обхватываю лицо ладонями, опускаю его к самому стеклу и, вжавшись носом изо всех сил, задерживаю дыхание. Это Бонак?

Каждый раз, как я вот-вот пойму, что же я там вижу, я оказываюсь на берегу, теребя короткие волосы за ухом, зову на свист давно пропавшую собаку, пытаюсь вспомнить слова, без которых мы не сможем рассказать эту историю.

Слесарь что-то бубнит себе под нос, меняя стекло, и ты преследуешь его до машины, а когда он трогается с места, кидаешь камни ему вслед. Над холмами висит марево, и ты приходишь вся потная – под мышками и на груди темнеют влажные пятна. Ты говоришь, что тебе нужен лимонад. Тебе нужна сигарета. Тебе нужен шезлонг. Тебе нужно, блядь, побыть одной. Ты выводíš меня из себя. Твоя упертость. Ты злишь меня. Ты меня бесишь. Тебе здесь совсем не место.

Мне нужно забыть ту личность, какой ты была, и описывать тебя такой, какая ты теперь. Ты как будто не чувствуешь боли. Я вижу, как ты обжигаешь руку о чайник, но никак не реагируешь. Ты чрезвычайно восприимчива к малейшим шумам и запахам: раздражаешься на гудение ветра в дымоходе или на шум воды в трубах, отказываешься входить в комнату после того, как я готовила еду. Ты громогласно и самоуверенно говоришь об анатомии и болезнях. Я не знаю, сочиняешь ли ты это или действительно набралась таких знаний за прошедшие годы. Ты говоришь, что у меня дефицит железа в организме и, наверное, глютенная болезнь. Ты держишь меня за руки и надавливаешь на кутикулы, что-то хмыкая и восклицая, оттягиваешь кожу у меня под глазами. Нет такой темы, на которую бы ты не рассуждала – ты увлеченно рассказываешь мне о работе кишечника, о цвете своей мочи, дергая волоски у себя на подбородке. О сексе ты говоришь расплывчато, обобщенно. Объекты и люди перемешиваются в твоих предложениях, так что невозможно понять, говоришь ли ты об одном событии или о нескольких. Когда ты рассказываешь о мужчинах, кроме Чарли (человека на лодке), они у тебя безвольные, затюканные, иногда запуганные. Об одном из них ты говоришь с вялым сожалением. Моложе тебя, неопытный, рохля. Ошибка с самого начала. О других по большей части ты рассказываешь, как мне кажется, чтобы позабавить меня: они стучат головой в стену за кроватью, у них никак не встает или они слишком быстро кончают. Если я смеюсь, хотя бы чуть-чуть, ты довольно улыбаешься и даешь мне апельсин из миски с фруктами.

Но твоя деградация продолжается. Ты кричишь, чтобы я пришла, побыстрей. Когда я прибегаю, ты держишь мой большой Оксфордский словарь открытым и тычешь им в меня.

Я знаю, есть такое слово, кричишь ты. Я это знаю, я это знаю.

Я пытаюсь успокоить тебя. Ты ужасно взвинчена. Швыряешь словарь на стол, разбивая стакан. Лихорадочно листаешь страницы.

Я это знаю, я это знаю.

Что? Что за слово?

Ты злобно смотришь на меня, закусив губы, скрючив пальцы. Ты искала слово «эгаратизация», и оно означает исчезновение себя, избавление от своего прошлого. Я говорю тебе, что нет такого слова, и показываю в доказательство нужную страницу в словаре. Ты кажешься напуганной, ходишь по дому за мной, наступая на пятки, так что мы обе едва не падаем.

Тебя беспокоят короткие слова. *Кран, болт, шаг, ручка*. Ты произносишь их неправильно или употребляешь в каком-то странном смысле. *Ты можешь повернуть ручку на ванне, чтобы добавить горячей? Слишком вязко для меня*. Как правило, я никак на это не реагирую, и ты спокойно плывешь дальше. Я думаю, ты этого не замечаешь, но однажды я вижу, как ты на кухне вцепилась обеими руками в раковину и повторяешь на все лады слово «паразитарный». То пара-ЗИТАР-ный, то ПАРА-зитар-ный. Лево́й ногой ты отстукиваешь по полу слога. Сперва я не понимаю, что ты делаешь, но затем догадываюсь, что ты проверяешь свое отношение к этому слову, выискивая недостатки, готовясь к будущим потерям.

Ты точно знаешь, что с тобой происходит. Твой возраст подтачивает тебя как никого другого. Все твоё невежество только для меня.

Дети должны уходить от родителей. Так должно быть. К тому времени, когда ты становишься родителем, ты должен уже пережить это, в чем бы ни была причина твоего ухода. Но родители не должны уходить от своих детей.

Мне нужно кое-что спросить у тебя, говорю я. Как думаешь, ты не будешь против?

С чего мне быть против? Ты качаешь головой. Ты как будто забыла всю свою прежнюю вспыльчивость.

А может, и правда не помнишь.

Ты не споришь со мной. Ты льнешь ко мне, по-свойски, но осторожно. Я чувствую пустоту на месте твоей левой груди.

Ты помнишь, говорю я, зиму, когда пришел Маркус?

Но сейчас же лето.

Да. А тогда была зима. Мы жили на реке. Ты помнишь? Я нашла тебя там пару дней назад.

Ты немного помычала, покачала головой, похлопала меня по коленке. Я не отступала. Мы прожили там всю мою жизнь. Только ты и я. Но однажды пришел человек. Мальчик. И он остался с нами. Не очень надолго, от силы на месяц. И что-то было в реке, не знаю что. Я думаю, мы пытались поймать это.

Правда?

Да.

Я такого не помню.

А ты хоть что-то помнишь?

Ты пожимаешь плечами, запускаешь руки в карманы пижамы и вынимаешь их ни с чем. Ты раскрываешь ладони и показываешь мне. Я отвожу их вниз.

Ты помнишь, что случилось с Маркусом?

Ты берешь мою руку между своими и сильно трешь, а потом дуешь в щель, и я чувствую твоё липкое дыхание на коже. Твои касания вызывают у меня шок. Когда-то я – даже не верится – оббивала руками твои ноги и зарывалась лицом в колени. Я приносила тебе найденное в лесу или в воде: речную гальку, листья щавеля, улиток, которых ты готовила с чесноком и маслом. Когда я была юной, ты высоко поднимала шланг, и мы вместе принимали душ посреди тропинки, твои пальцы распутывали колтуны в моих волосах, словно разгадывая загадки.

Внезапно, как по нажатию кнопки, ты в полном сознании. Я вижу, глядя на тебя, что ты все понимаешь, что ты осознаешь все прошедшие годы и что они принесли с собой.

Я должна была понять, когда он впервые пришел, говоришь ты. И наклоняешь голову набок. В нём было что-то такое. Я думаю, что сказала себе, что это похоть, новый вид похоти, потребление. В нём было что-то знакомое, словно я любила его раньше. Я должна была понять.

Река

Начал больше, чем концов, вмещающих их. Где-то ты и отец, который мне не отец, лежите на узкой кровати, еще без страха, сомкнувшись долгой плотью к долгой плоти, устами к устам, как будто один из вас уже при смерти. Где-то я стою в словарном отделе, слушая гудки телефона в пустом морге. Где-то я открываю дверь в коттедж на холме, и ты проталкиваешься мимо меня, высказываясь насчет бежевых обоев, которые здесь с тех пор, как я тут поселилась, насчет заплесневелых водостоков и отсутствия пепельниц. *Ты не могла даже купить паршивую машину?* А где-то шагает Марго. Здесь я полагаюсь на воображение, на возможности. Я кладу ее слова за щеку и надеюсь, что она не будет против некоторых допущений, приукрашиваний. Где-то она шагает и, пожалуй, слышит меня, как многократное эхо, и думает: это не так. Слушай. Слушай – вот как это было.

В сумке у Марго была палатка, но Марго слишком устала, чтобы ставить ее. Она заползла поглубже в кусты. Там были скользкие листья, пустые пивные банки, белый шарик, попавшийся ей под хромую ногу. Сквозь забор она видела канал в колыхавшихся отсветах фонарей и светофоров, световые восклицательные знаки от фар машин, нараставшие и спадавшие, когда они проезжали по мосту. Она натянула на голову капюшон спального мешка. На исходе ночи какие-то люди пришли и устроились спать чуть дальше по тропе, под мостом, и она проснулась от того, что они переговаривались между собой. В первые моменты после пробуждения она забыла об этом. Потом вспомнила. И уже не могла заснуть. Земля подмерзла, и спальный мешок стал влажным. Она смотрела, как утренний свет разливается по грязной воде канала.

Она вывернула сумку, которую ей собрала Фиона. Не без сочувствия. Плитка шоколада, пакет хлеба, несколько свернутых банкнот, пол-рулона туалетной бумаги и несколько тампонов. Палаткой давно не пользовались, и от нее пахло сыростью. Ей вспомнилось что-то, сказанное отцом, но не полностью; что-то о том, что даже самое малое достижение – это все же достижение. Она попробовала услышать, как работает ее тело, как бурлит в животе, словно в котле, вопреки всему. Стоило ей задуматься о том, что она делает, ее охватывал такой страх, что она цепенела. Она утрамбовала все обратно в сумку, расправила плечи и двинулась в путь.

Она шла два часа, а потом остановилась. По дороге над каналом шумно проносились в обе стороны машины и исчезали вдаль; старые рельсы обрывались в воздухе; поля, которые могли быть посевными, были затоплены тинистым половодьем. Периодически – с каждым разом все реже – она петляла и поворачивала назад, туда, откуда пришла. Казалось уму не постижимым уходить из дома. Ее руки шарили по карманам, по жидким волосам, по левой, хромой ноге. Она закрывала глаза, представляя стены родного дома, вздымавшиеся вокруг нее, точно грудная клетка. И как захлопываются знакомые двери.

Четыре рыбака – штыри от их палаток остались воткнутыми в землю с прошлой ночи – так настойчиво предлагали ей бургер, которые они жарили в грязной сковородке, что она устроилась рядом с ними и ела руками непрожаренное мясо. А потом взяла второй. Рыбаки неспешно переговаривались. Она их почти не слушала. Не зная, чем еще заняться, она сидела с ними, пока совсем не стемнело, хоть глаз выколи, и их костерок стал ей казаться точкой света в бескрайней тьме. Она слышала, как какая-то живность из канала шуршит в колючих кустах. Она была совсем не готова к этому, ко всему этому. Она снова ощутила холодные лапы страха, плотно сомкнувшиеся у нее на висках, на груди. Она вдавливала кулаки в уши, пока это чувство не отпустило ее. Один из рыбаков внимательно смотрел на нее через костер.

Ты знаешь, спросил он, встретившись с ней взглядом, о водяном воре? Он живет в воде, но ходит по земле.

Его товарищи захихикали или зашипели сквозь зубы. Рядом с ними лежали их посохи, точно ружья. Их руки и лица лоснились от мясного жира. Их длинные ноги откусывала тьма. Один из них указал на сумки у них за спиной. Там виднелись чешуйчатые бока и кнопки рыбьих глаз.

Ночью все теряется, сказал он и поежился. Другие снова засмеялись, и она подумала, что они сочиняют байки, чтобы напугать ее.

Когда она пошла от них, то услышала, что они идут за ней, и юркнула в кусты, где ожидала, пока они пройдут мимо, а затем, не утерпев, вернулась к костру. Она не знала, что они сделают с ней, если увидят, но явно ничего хорошего. Она подумала, что если что-то и терялось ночью, то явно не без их участия; подумала об их плотных карманах и о том, что они прятали в пластиковых сумках под рыбацким уловом. Она долго слышала их голоса, а потом они затихли, и не было слышно ничего, кроме плеска воды и шелеста кустов; лая лисы и уханья совы. В темноте у нее не получалось вставить как следует штыри для палатки, и она сдалась и снова легла спать в одном мешке, но, как ни пыталась, не могла заснуть.

Охота

Утром собака вскинулась в углу комнаты, как будто поняла, что дальше уже некуда. Вероятно, она, как и я, тоже ненавидела «Приют путника». Для меня всегда были за гранью понимания люди, любившие жить в отелях и хостелах или палаточных городках. Я не мечтала побывать в Италии, в Перу или в Новой Зеландии. Я мечтала о комнате, в которой я буду знать все выходы и смогу пригвоздить шторы к стене. Дальше уже некуда, сказала я, и собака мне почти улыбнулась.

Я сидела в «Макдоналдсе» и искала тебя на своем ноутбуке. Всякий раз, как мимо проходили дети, они отдавали собаке половину бургера и большую часть мороженого. Я подумала, что с диетой у нее покончено. Я прониклась к ней благосклонностью. Я ответила на пару писем. Я уже должна была заканчивать работу над словом «взломать». Я уже должна была быть на работе. Но я не брала отпуск или больничный четыре года. Так что они подождут. Внезапно меня посетила мысль, что, может быть, я не вернусь и даже никому не скажу, и они меня больше не увидят. Я была такой же, как ты: не столько личность, как ходячая дыра.

На сайте издательства было мое фото: ослепленная вспышкой, зубная паста на воротнике джемпера, щербинка между верхними зубами. Там же был мой электронный адрес, а также рабочий номер телефона. Если бы ты хоть раз захотела найти меня, то нашла бы. Тебе бы это не составило труда. Но о тебе в интернете не было ничего. Я уже не раз тщетно пыталась найти тебя, но наводила справки снова и снова. Собака сидела, выставив костлявые задние ноги, и ловила жареную картошку, которую ей кидал мальчишка через все помещение. Я делала вид, что собака не моя. Я выискивала тебя везде, где только можно. Это было все равно что искать тело в мутной воде, иголку в стоге сена – мартышкин труд; мне больше нравилось определение «бесплодные усилия». Ни малейшей зацепки, ни единого проблеска – ты не оставляла следов. Уже в который раз я терпела неудачу.

Я не замечала, как долго там просидела, пока не зажглись огни по фасаду автосервиса. Машины перемигивались фарами, выезжая задним ходом со стоянки. В автосервисах было что-то, напоминавшее реки. Ни там, ни там не жили благополучные люди. Я осознала это, только выехав оттуда.

Наконец-то я нашла хоть что-то. Возможно. Свет экрана был таким ярким, что резал глаза. Я закрыла ноутбук. Если бы я решила прекратить поиски, я смогла бы выйти на работу на следующий день. Я бы не стала обзванивать морги и больницы. Через год я бы забыла все, что начало возвращаться ко мне за последние несколько дней; через десять лет я бы даже не смогла

вспомнить твое лицо. К тому времени, как я бы состарилась, я бы выдумала себе совершенно другое детство, с опрятной матерью, которая умерла молодой, тихо и мирно. Что бы сейчас ни давило на меня, подчиняя себе мои чувства, со временем это должно было ослабнуть и пройти совсем. Ничто уже не будет теряться ночью. У меня в голове ты говорила: *Перестань кричать, Гретель, это просто сон*. Я была так взвинчена. Уже очень давно я не чувствовала ничего подобного. Я снова открыла ноутбук. Это была не ты. И не Маркус – о нем в интернете было не больше, чем о тебе, – но я нашла пару с такой же фамилией, жившую в городке неподалеку. Я ела чипсы горстями, заедая панику. Собака сидела рядом и смотрела на меня с открытой пастью.

Тебе будет плохо, сказала я и чуть не подавилась острым чипсом. Вероятно, думала я, Маркус знал, где ты была. Вероятно – я запихнула в рот полную горсть, и собака заскулила и повалилась на спину, – ты была с ним. Вероятно, к нему ты и ушла, с ним ты и была все это время.

Я нашла сведения о его родителях на нескольких сайтах. Достаточно для начала слежки. Женщину я нашла на сайте школы. Она была учительницей. Связанной с лесной школой; не так давно ездила с учениками в Национальную галерею, на ферму. Она не походила на Маркуса. Я была разочарована. Также я нашла ее отзыв о ресторане на сайте «Трипадвизор»⁵, где она указала полное имя и электронный адрес, словно в своей анкете.

Мы оказались здесь в четверг, к нашей полной неожиданности. Я заказала курицу. Муж заказал болоньезе. Дети также заказали болоньезе. Мы придем сюда снова. Я заказала немного вина и осталась довольна. Муж был не в восторге от официанта.

Помимо упоминания на «Трипадвизоре», об этом человеке мало что было в интернете – я не нашла ни фотографии, ни места работы. Только его отзыв на сайте автомехаников. Три звездочки и полное имя.

Разумеется, они могли быть кем угодно. Я сказала это себе вслух. Я сходилa в машину, достала карту из бардачка и разложила ее на столе в «Макдоналдсе». Я помню, как ты говорила, что мы были нигде, что мы были за всеми пределами. Словно того места, где была пришвартована наша лодка, не было на картах; география была неприменима к ней. Я съела второй пакет чипсов и скормила собаке четыре штуки. Они могли быть кем угодно, но – я склонилась над картой – они жили достаточно близко к тому месту, где мы останавливались на реке, чтобы быть родителями Маркуса. Так или иначе, это место все же значилось на картах.

Река

Что терялось ночью: прибрежная речная грязь, кролики в своих извилистых норах, болотные курочки, спавшие на нижних ветках, бродячие собаки, забредавшие куда не следует, вереницы рыб на рыбацких стоянках, серебряные крючки, соседские кошки и все, на что они, в свою очередь, охотились и что ели: мыши, слепые неуклюжие кроты, птицы со сломанными крыльями.

Следующий день местность, по которой шла Марго, стремительно дичала. Канал влился в реку под названием Айсис⁶. Очень холодную. Ее руки были в порезах от колючих кустов и в красных отметинах от крапивы. У нее кончился весь хлеб, и она пожалела, что расходовала его недостаточно бережливо. До того, как она ушла из дома, ее сны были четкими, точно авто-

⁵ TripAdvisor, *букв.* «советчик по поездкам» (*англ.*) – американский сайт путешествий. Помогает спланировать поездку в любую страну мира.

⁶ Приток Темзы в районе Оксфорда. В английском языке название реки – Isis (*англ.*) – омонимично имени египетской богини Исиды.

бусные расписания – в них были двери и прямоугольные стены, вещи, разрезанные на равные половинки, и миски с фруктами. Сон, увиденный ей прошлой ночью, был полон грязи, спутанных корней и пропитан влагой. Ей на ум пришли слова Фионы, услышанные перед тем, как она сказала ей уходить и собрала в дорогу сумку.

Она не сразу осознала, что кто-то идет за ней. Река имела свойство хватать звуки и выворачивать их. Не раз она как будто слышала, как ее зовет мать сквозь подлесок. Ее шаги казались громче обычного. Когда солнце поднялось высоко в небо, она остановилась отдохнуть. Однако звук ее шагов на тропинке позади смолк не сразу.

Она помочилась в какую-то нору в земле. Впереди с тропинки вспорхнула птица и, пропев, полетела над водой. Кто-то прочистил горло, но она осмотрелась и никого не увидела. Она подумала о водяном воре, жившем в воде и ходившем по земле. Она задумалась, как он должен выглядеть. Наверно, у него должны быть перепончатые руки и ноги, чтобы плавать, и тонкие пальцы, чтобы красть. Она подумала о рыбаках и о том, как они смотрели на нее поверх догорающего костра, об их широких ладонях и смехе.

Она пошла дальше. Шаги, которые она слышала, были не ее. Они были четче и тяжелее и стихали на миг позже, чем она ставила ноги, и так же начинались. Тропа идет прямо, подумала она, значит, они попутчики. Только она в это не верила. За весь день она не видела никого, кроме цапель и полузатонувших барж.

Она шла, пока небо не стало клониться к воде. Ее страхи поднимались, точно колючки на кустах ежевики. Она жалела, что отправилась в путь, не научившись стольким важным вещам: как меньше бояться, как разводить костер, как говорить с незнакомцами. Она жалела, что не знает, как себя вести, если кто-то тебя преследует. Листва с краю тропы расступилась, открыв проход. Она проскользнула сквозь листву и пошла вдоль берега, поскальзываясь и чуть не падая, раскидывая руки, сжимая кулаки. Она припала к земле и легла плашмя на живот. Посмотрела через склон, за которым шла тропа.

Это был один из рыбаков. Она не узнала его лицо, только увидела знакомый цвет непромокаемой куртки. Он нес металлическую коробку, в которой что-то гроыхало. Он остановился и, казалось, стал рассматривать ее следы в грязи. Его тело внушало ей страх. Он занимал больше пространства, чем, как она думала, ему полагалось. Она опустила голову в сырую листву и задержала дыхание. Он долго шел за ней. Другие рыбаки – она в этом не сомневалась – ждали его вместе с ней. Он был точно водяной вор: брал что хотел, жил на воде, но выбрался на землю и шел за ней.

Чтобы успокоиться, она стала вспоминать все, что любила в доме: круглые ручки посудомоечной и стиральной машин, ровные края рожка для обуви, яблоки с веток, когда они были слишком твердыми, чтобы есть их, и падали от сильного ветра. Что-то двигалось по земле. Она представила, что глаза мужчины были как два зеленых мраморных шарика, а его руки сужались, словно щупальца моллюска. Послышался какой-то шум, ближе, чем раньше. Она подняла голову над руками. Мужчина ушел, но там было что-то другое. Последний дневной свет просачивался через кроны деревьев и бросал обширные тени от ветвей и животного, стоявшего на склоне. Она почувствовала запах смолы от древесной коры. Земля кишела мокрицами и сороконожками, а по ее руке ползла ночная бабочка. Зверь на склоне был длиннее, чем человек, вставший на четвереньки. Она закрыла глаза и стала думать о симметрии дорожных фонарей, о сердцевинах фруктов, о стрелках часов. Когда она снова взглянула наверх, что бы там ни было раньше, теперь исчезло. Марго долго лежала, не шевелясь, и чувствовала, как холод проникает в суставы, в пальцы. Ее разум пытался подыскать логическое объяснение увиденному. Она думала: это был барсук, это была лиса, это была всего лишь тень дерева. Но она знала, что виденное ею существо не было ничем из этого. Это был водяной вор.

В какой-то момент она поднялась, надела рюкзак и пошла дальше. День клонился к вечеру, и все казалось совсем другим, невозможным. Каждое дерево было мужчиной или тем

существом, что возникло после. Она втянула голову в капюшон и побрела, насупившись. Она клевала носом на ходу, так что река закружилась, словно веретено, повисла над ее головой и была готова упасть.

Постепенно стали возникать промышленные объекты: пустые газгольдеры, просевшие на металлических каркасах, бетонные трубы. Загаженные окраины какого-то городка: домики с террасами рядом с железной дорогой, отражавшейся в окнах, грязная мелководная речушка, лодки, стоявшие впритык одна к другой, тонкие деревья с ободранной корой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.